

Глава 9

Заключительные комментарии

*Конвергенция социализма и капитализма
в конечном итоге единственная
альтернатива гибели человечества.*

Андрей Сахаров

*Разум, возможно, является
перехлестом природы.*

Роберт Конквест

Жертвой стать всегда успеешь!

Лозунг французских студентов (1968 г.)

События в Венгрии, Чехословакии и Польше

Я имею здесь в виду события в Венгрии 1956 года, в Чехословакии — 1968 года и в Польше — 1980—81 годов. О них нам до сих пор не с руки было поговорить, но не сказать о них хотя бы вкратце нельзя. Они тоже указывают на неотвратимость движения человечества к “синтезному” социализму.

Во всех этих событиях со все большей определенностью (от Венгрии к Польше) выявляется стремление людей к тому, чтобы стать хозяевами жизни, иметь решающий голос в экономических и политических делах, избавиться от наемного рабства, приобрести *власть-свободу*. Но благодаря усилиям советской и нынешней цензуры, большинство людей в России до сих пор не знает, что венгры, чехо-словаки и поляки в упомя-

Заключительные комментарии

нутые выше годы боролись не только и не столько за выход из советско-российской империи, сколько за проведение революционных реформ для создания основ синтезного социализма, представления о котором были у них уже высоко развиты, особенно в Чехословакии и Польше.

Подавление этих реформ Кремлем представляется катастрофой в истории не только упомянутых народов, но и России, и всего человечества. Картина мира, почти наверняка, была бы сейчас иной, если бы упомянутые страны получили возможность проводить задуманные у них реформы. Высокая и массовая(!) культура этих стран, опыт жизни в условиях как демократии, так и авторитаризма — все это давало хорошую почву для успешной реализации замысленных в этих странах преобразований, которые показали бы всему миру возможность создания общества, лишённого пороков как капитализма, так и государственного социализма.

Особенно сильное влияние имел бы пример этих стран на Россию. Ее развитие уже вряд ли пошло бы по гибельному для нее капиталистическому пути. Моя уверенность в успехе реформ в Восточной Европе зиждется и на опыте реализации принципов синтезного социализма на Западе, и на опыте самоуправления в Югославии времен Тито. Этот опыт был далеко не столь негативным, как это принято считать у нас. Несмотря на всю его половинчатость — в Югославии сохранялся авторитарный однопартийный режим, не было свободного рынка и трудовые коллективы не являлись полными собственниками своих предприятий — несмотря на все это, уровень жизни там был заметно выше, чем в бедных капиталистических странах Европы, к числу которых ранее принадлежала Югославия, и с которыми ее и надо было бы сравнивать! (Это такие страны, как Греция, Португалия, Турция, Южная Италия.) И уж значительно выше был уровень, чем в странах тоталитарного социализма.

Что ж говорить о Чехословакии или Польше, которые проводили бы свои реформы, в отличие от Югославии, в условиях демократии и имели бы возможность учитывать как негативные моменты югославского опыта, так и позитивные — опыта западного.

После освобождения от российского контроля в годы горбачевской перестройки, эти страны уже не смогли вернуться к “синтезному” пути, так как большая часть сторонников такого развития была рассеяна по миру или выбита из жизни, сломлена. Из Чехословакии, к примеру, было выкинуто около полумиллиона интеллектуалов, поддерживавших Пражскую весну! Для страны с 15-миллионным населением это катастрофически много. За прошедшее после этого время, к моменту неожиданного освобождения, смена этим людям естественно не успела народиться. Значительные слои людей, способных к революционным преобразованиям, собираются историей не скоро! В их же отсутствие у бывших советских сателлитов естественно возобладало движение к капитализму. В этом направлении их подталкивали и западные эмиссары, и собственные “красные директора”, стремившиеся, как и их российские коллеги, побыстрее “переквалифицироваться” в капиталистов.

Так что Советский Союз, подавив Венгерскую революцию, Пражскую весну и польскую Солидарность, решительно изменил ход мировой истории. Если человечество, не сумев избавиться вовремя от капитализма, придет к какой-нибудь катастрофе, то эти акты насилия, на мой взгляд, будут в числе важнейших событий, предопределивших такой исход.

Революционные события в Венгрии, Чехословакии и Польше подтолкнули Россию к перестройке, но дальше их влияние, увы, не пошло. Конечно российская интеллигенция, обладай она умом и чувством ответственности, могла бы и должна была после падения железного занавеса серьезно изучить идеи и проекты активистов Пражской весны и польской Солидарности, как и соответствующий западный опыт, и избрать для себя иной путь, нежели следовать советам “чикагских мальчиков” и поддерживать КПСС-овских “дедушек” в их стремлении заделаться капиталистами. Реформы Горбачева давали достаточно свободы, чтобы решительно повернуть страну к синтезному строю, и Горбачев уже и сам начал делать шаги в этом направлении. Вспомним содействие созданию кооперативов, закон об аренде с выкупом, выборы директоров, но общество, интеллигенция не поддержали этот спасительный для нашей страны путь. Возможность синтезного развития была вновь упущена.

Как же все-таки именовать “синтезный” строй?

Пришла пора разобраться в этом вопросе. В начале своих изысканий я называл синтезное развитие “Третьим путем”. И на Западе применяли такое наименование. Ота Шик, главный автор проекта реформ Пражской весны так и назвал свою книгу об этих реформах: “Der Dritte Weg” (“Третий путь”). Потом я отказался от этого наименования, осознав, что путь этот совсем не третий, а самый что ни на есть первый, точнее, основной — путь развития демократии, гуманизма, повзреления, а можно сказать, и очеловечивания человечества. Не говоря уж о том, что нельзя подменять название строя наименованием пути к нему.

Я стал говорить о “Строе самоуправления” и иногда пояснял: социалистического самоуправления. Это словосочетание употребляли и активисты польской Солидарности, говорили, что их цель — “общество социалистического самоуправления”.

Но класть в основу слово “социализм” я еще не решался: слишком уж скомпрометировано было это понятие, а главное я стремился подчеркивать, что речь идет не об улучшенном старом социализме, не о “социализме с человеческим лицом” и не о механической смеси двух укладов, а об их диалектическом синтезе, о новом качестве, принципиально новом строе. В то же время я все яснее осознавал, что базовые характеристики этого нового строя идентичны социалистическим. Действительно строй этот предполагает средства производства отдать во владение тем, кто на них работает, и ведет этот строй к социалистическому циклу в экономике: Т — Д — Т (товар — деньги — товар), где деньгам остается роль средства, а не цели всего цикла, как при капитализме.

И в конце концов я пришел к нынешнему наименованию: “Демократический кооперативный социализм”. Однако в наименовании три слова — и это конечно много. Но ничего не поделаешь — дань времени! Более короткое сочетание “демократический социализм” не годится из-за своей неопределенности. Многие марксисты его применяют, подразумевая здесь старый, государственный социализм, но демократизированный. (Они считают, что это возможно.)

Можно предположить, что когда полностью исчезнет с лица земли страшилище госсocialизма и потускнеет в памяти его образ, люди вернуться к одному слову — социализм! Никто уже не будет представлять себе иного социализма, нежели демократического, кооперативного и рыночного.

Коммунизм и “синтезный” социализм

Как соотносится такой социализм с идеей коммунизма?

Коммунизм — это “от каждого по способности и каждому по потребности”. Это следовательно отсутствие денег, рынка и экономической конкуренции. Представить себе такой строй возможно, на мой взгляд, лишь в “седом”, далеком будущем (если человечество еще прежде не лишит себя любого будущего!), когда и если совершенно исчезнет нетворческий труд и материальные потребности можно будет удовлетворять с помощью кибернетических рабов. До той поры о коммунизме не может быть и речи, так как без денежно-рыночных отношений и конкуренции производителей нетворческая деятельность обречена на энтропийное вырождение. Что нам достаточно хорошо продемонстрировал государственный социализм.

При ликвидации нетворческого труда у коммунизма появится некоторый шанс, так как творческий труд в принципе не нуждается в материальных стимулах и экономической конкуренции. Творческий труд содержит стимулы в самом себе. Тут и самоутверждение, и стремление к познанию тайн природы, и интеллектуальная конкуренция с коллегами, ну и конечно, стремление быть полезным людям, стремление к единению с людьми. И можно предположить, что освобожденный от материальных мотиваций творческий труд станет предельно свободным и эффективным. И все-таки я не уверен, что передачи роботам всего нетворческого труда будет достаточно, чтобы избежать энтропийного процесса при ликвидации денег и рынка. Не уверен, что не останется в них потребности.

Но, повторяю, это такая далекая перспектива, что ломать себе голову сегодня нет никакого смысла. Дай Бог, чтобы человечеству удалось заменить капитализм кооперативным социализмом. Однако можно предположить, что в условиях синтез-

Заключительные комментарии

ного социализма при сохранении экономической конкуренции будет постепенно усиливаться и солидарность между трудовыми ячейками общества. Ведь исчезнет агрессивная конкуренция, превращающая часто конкурентов во врагов. Вот даже в Мондрагоне, который находится в капиталистическом окружении, существует уже солидарная взаимопомощь между компаниями федерации! Иными словами в условиях синтезного социализма вероятно будет идти медленное эволюционное развитие в направлении к каким-то коммунистическим формам жизни. Вновь дадим слово Иосифу Бродскому:

“Шарик обычно стремится в лузу. (...)
Не Конкуренции, но Союзу
принадлежит прекрасное завтра.”

(*“Речь о пролитом молоке”, январь 1967г.*)

Отметим попутно, какое нужно было поэту иметь мужество мысли и внутреннюю свободу, чтобы в те времена, будучи жертвой коммунистического режима, высказывать такие прокоммунистические взгляды!

Однако нередко приходится сталкиваться с вопросом, а как же израильские кибуцы — это же коммунистические образования, и их существование разве не говорит о реальности и близости “прекрасного коммунистического завтра”? Нет конечно. Кибуцы, как и существовавшие издревле коммунистические по форме жизни монастырские общины, обязаны своему появлению особым условиям, стечению чрезвычайных обстоятельств. Для кибуцев — это враждебное окружение и жесткие природные условия. Но сейчас число кибуцев не увеличивается, потому что жизнь в них не подходит для большинства людей. Да, там отсутствуют деньги во внутреннем обращении, и можно в известной мере трудиться по способности, а блага потреблять по потребности, существует взаимопомощь и взаимозаменяемость в труде, в воспитании детей и уходе за стариками. Но необходимость жить все время в одном и том же коллективе и по определенным правилам, т.е. в обстановке сродни казарменной, это очевидно для очень многих людей не подходит и блокирует распространение кибуцев. Другое дело *мошавы*, сельскохозяйственные ко-

оперативы, они широко распространены в Израиле, и продолжают создаваться. И часто развивают у себя и какие-то виды промышленного производства.

Место Октябрьской революции в истории

Этот вопрос обязательно встает при размышлении о будущем нашей страны и мира, и он до сих пор не решен для большинства людей в стране. Это говорит о том, что сегодняшнее российское общество все еще “живет, не приходя в сознание”.

На мой взгляд, Октябрьская революция была “просто” первой серьезной и поначалу победоносной попыткой создать новый, посткапиталистический строй. Но первый опыт всегда в той или иной мере приводит тут, по принципу от противного, к созданию *антитезиса* низвергаемому строю. При капитализме господствует частная собственность (на средства производства), у нас будет — общественная, национализированная (“вся страна как одна фабрика”), там — рыночная экономика, у нас — плановая (“вся страна как одна контора”), там главный показатель в экономике — прибыль, у нас — вал, там — “буржуазная” демократия, у нас — “пролетарская” диктатура, там — засилье религии, у нас — воинствующий атеизм, и т.д.

Но антитезисные формации — нежизнеспособны, неэффективны, и век их короток: они либо погибают, либо трансформируются в *синтезную* формацию. В России такая трансформация началась было после Гражданской войны — это НЭП, но была сорвана контрреволюцией Сталина, нацеленной на создание *государственного феодального социализма* — синтеза социализма с дореволюционным крепостничеством, существовавшим в России более трех веков и обладавшим потому мощной психологической инерцией.

Способствовали такой контрреволюции и агрессивные намерения окружающих Советский Союз стран и поражение социалистических движений в Западной Европе (в Германии, Австрии, Венгрии). Все это дало Сталину аргументы в пользу необходимости форсированной индустриализации, усиления армии и “дисциплинизации” всей страны со всеми вытекаю-

щими отсюда последствиями, начиная с ликвидации НЭПа и кончая борьбой с “врагами народа”. В брежневское время началась уже буржуазная контрреволюция, легализовавшаяся при Ельцине. Контрреволюция может иметь несколько этапов и сначала выступать под революционным флагом. Точно так развивалась, к примеру, контрреволюция после поражения якобинцев во времена Великой Французской революции.

Размышляя о причинах поражения социалистической русской революции и НЭПа, необходимо учитывать и то обстоятельство, что синтезный уклад намного сложнее уклада анти-тезисного. Тут необходимы достаточно образованное общество, массовая культура, развитые производительные силы и — что может быть всего важнее — необходимо иметь уже за плечами негативный опыт антитезиса, всем осознавать его временность, непригодность. Такой опыт и дала миру Октябрьская революция.

Октябрь положительно повлиял в конечном счете и на развитие в капиталистических странах демократии и правового порядка, стимулировал создание систем социальной защиты наемных работников и перераспределения доходов, усиление контроля государства и общества над экономикой. До того Октябрь, правда, стимулировал возникновение фашизма и нацизма, призванных защитить Капитал от “призрака” социалистической революции, но после провала фашизма буржуазия вынуждена была прибегнуть к помощи социал-демократии, сообразив, что “надо делиться”, что лучше защищаться не пушками и погромами, а маслом и правами человека.

Что же касается России, то Октябрьская революция поставила ее в сложное положение. Для нашей страны теперь уже нет другого *спасительного* пути, как продолжить движение вперед, продолжить социалистическое развитие на синтетической основе. Крутой поворот назад и направо, сделанный в 1992-ом году, не приводит нас на “столбовую дорогу человечества” — сейчас это уже очевидно. На упомянутую дорогу мы можем выйти, лишь продолжив движение *вперед*, чтобы в будущем сойтись с нынешними буржуазно-демократическими странами на пути к синтезному социализму, который лежит на “столбовой дороге человечества”.

**Каковы же все-таки перспективы
синтезного социализма в России и мире?**

Сначала о России.

События последних лет не дают основания для оптимизма, повергают в отчаяние. Похоже, что большинство людей в стране утратило способность к самозащите, к объединению, к солидарности. Шахтеры бастуют, никто их не поддерживает, потом бастуют учителя, потом врачи и т.д. Забастовщиков в одном регионе не поддерживают их коллеги в других регионах. А какое слабоумие и беспомощность это сочетание требований: “Ельцина в отставку!” и “Выплатить зарплату!” (Или наоборот) И эта неспособность создать сильную, массовую, действительно оппозиционную партию, притом что 70% населения по всем опросам против установившегося режима.

И похоже, устав от собственной беспомощности, большинство людей проголосовало теперь за человека, который показался им сильным, способным “навести в стране порядок”. На то, что он выдвинут ненавистным Ельциным и стоящей за ним “семьей”, махнули рукой. Он из КГБ-ФСБ — неважно, может даже к лучшему: мужики там крутые! Того, что ради его рейтинга была спровоцирована новая война в Чечне, все постарались не понять. Избавитель ставит над страной генералов (в XXI веке!) — берет себе царские, диктаторские права, принижает парламент — никакой серьезной реакции! Теснит СМИ, студентов гонит в армию — лишь тихое ворчание.

В Германии, сытой, обывательской, как ее характеризуют наши “патриоты”, на демонстрации протеста против антигугерского террора, проводившегося неонацистами, выходит около полутора миллиона человек. Я принимал в Мюнхене участие в такой демонстрации, на которую вышло около 200 тысяч человек (при миллионе жителей Мюнхена), и все храмы били в колокола в знак солидарности с демонстрантами. Это было незабываемое по силе зрелище. И нацистский террор вмиг оборвался! Нацисты поняли, что они изгои, а не выразители чаяний нации.

В США против войны во Вьетнаме участвовали уже многие миллионы людей, у нас же даже в первую чеченскую войну на антивоенные митинги собиралось по сотне-другой человек.

Зато у нас через пару месяцев после прихода Путина в Кремль часовой завод (в Чистополе) начинает серийный выпуск часов для правой руки, и директор завода объясняет, что “очень многие сейчас хотят носить часы на правой руке, как и Владимир Владимирович!”

Многое конечно можно объяснить. Пассивность народа проситекает и из той нищеты, в которой он сейчас находится. В годы перестройки большинство рабочих и инженеров думали о том, как взять предприятия и институты в свою собственность, а сейчас думают, как бы достать (или не потерять) тарелку супа. И если получают лишнюю — очень довольны.

Но, полагаю, самую роковую роль тут сыграла сталинская эпоха. До того народ в России был способен к самозащите, самоорганизации, солидарности, о чем свидетельствуют три революции, а потом и борьба с большевиками. Но за годы сталинизма активных и умных людей истребляли миллионами, потом, после Сталина — разлагали. В дореволюционные времена кем-то было гениально сформулировано: “*В России две напасти: внизу власть тьмы, сверху — тьма власти!*” Но если раньше, до сталинизма, “тьма” происходила от необразованности, неграмотности, то сейчас — от умственной и моральной деградации. И “тьма” этого сорта хуже прежней — ее много труднее рассеять, и господствует она сегодня и внизу и сверху. И я уже не раз предлагал российским либерал-реформаторам сложиться и воздвигнуть гигантский памятник товарищу Сталину, не будь которого, им пришлось бы уже давно расстаться с сумасшедшим богатством и пребыванием **при** власти.

Но как ни объясняй, а надежд на то, что народ России сможет проснуться, остается все меньше.

Надеяться остается лишь на то, что в той половине населения, которая не принимает участия в политических играх и выборах ввиду их полной бессмысленности, есть еще немало людей, не потерявших разума и чувства ответственности, и что в случае какого-нибудь сотрясения они выйдут на авансцену.

И на это есть какие-то намеки. Так, в последнее время на немалом числе предприятий трудовые коллективы тем или иным способом стали брать в свои руки управление своими

предприятиями или контроль над администрацией, чтобы остановить развал производства, на который их обрекают доблестные российские капиталисты. Я был в ноябре 99-го года на конференции таких коллективов, проходившей на Выборгском целлюлозно-бумажном комбинате, который тогда тоже находился в руках коллектива. Там я вновь, как и в прежние времена, встретил среди инженеров и рабочих разумных и порядочных людей, которые ясно понимали, что только через владение своими предприятиями они могут и себя избавить от нищеты и вымирания, и страну спасти. Всего на конференцию съехались представители 33 “протестных” коллективов из 22 городов Европейской России. Делегации из более отдаленных регионов не смогли приехать из-за отсутствия средств. Большинство этих людей были решительно настроены против существующего режима и в то же время не доверяли КПРФ и родственным ей группам, и ни за кого не хотели голосовать на приближавшихся выборах.

Реальна ли обрисованная здесь “последняя” надежда, нам смертным знать не дано.

Теперь о перспективах синтезного социализма на Западе.

Такая перспектива там ограничена, как мы уже отмечали, прежде всего существованием гигантских корпораций и супермонополий, Транснациональных Корпораций, а также накопительской стихией.

В капиталистическом мире, мы уже об этом говорили, преобладает накопление. Капиталистическое общество — общество накопления, а не потребления, как внушают симпатизанты капитализма. Слово капитализм и происходит от слов капитал и копить! Накопительская стихия засасывает человека — и наемного работника, и предпринимателя. Где уж тут думать всерьез, как остановить надвигающиеся опасности! Но самым главным препятствием становлению синтезного социализма является все-таки господство крупных корпораций и ТНК. Они образуют завал на пути эволюционного развития к синтезному социализму, начавшегося в последние десятилетия на Западе. И расчистить этот завал вряд ли возможно иначе, как с помощью все тех же революционных, но демократических

реформ. То есть необходим приход к власти партий или движений, поставивших себе целью строительство синтезного социализма. Только с помощью закона и власти можно разделить большие корпорации и ТНК и передать их разукрупненные блоки трудовым коллективам. (Через выкуп или без него — будет зависеть от обстоятельств, характера страны.)

Но пока инерция накопительства и относительное благополучие берут верх — и сильных партий синтезного социализма на Западе не возникает, в то время как кризисы, угрожающие существованию человечества, нарастают. Я имею в виду прежде всего экологический, демографический, ресурсный кризис, а также опасности, связанные с прогрессирующим обнищанием третьего мира.

И возможны два печальных варианта развития событий. Первый, это когда в случае какого-либо тяжелого глобального кризиса правительства Запада “дернутя” в сторону авторитарных порядков и государственного регулирования экономики, т.е. в сторону злокачественной конвергенции капитализма и социализма. В эту сторону всегда проще и быстрее “дёргаться”.

Второй, еще более “веселый” вариант — это когда, как пишет А. Сахаров, “мир на пути, ведущем к экологической гибели, перейдет критическую черту, после которой уже нет возврата.” (“Конвергенция. Опыт словаря нового мышления”, Москва, 1989).

О таком движении (к катастрофе) говорят, как известно, почти все экологи мира, разногласия имеются лишь в определении сроков и признаков перехода через “критическую черту”.

Ко второму варианту можно отнести и возможность войны с применением ядерного оружия со стороны диктаторских, непредсказуемых режимов (подобный режим похоже образуется в России!), либо взрывы, типа чернобыльского, в результате обветшания оборудования. Надо при этом осознавать, что для гибели человечества необязательна массивная ядерная канонада с применением самых мощных зарядов, когда “конец света” наступит очень скоро. Род людской может выродиться и погибнуть и через постепенное распространение по миру радиационного заражения в результате ядерных взрывов относительно малой интенсивности.

А между тем в случае, если бы в нашей стране установился строй синтезного социализма, то это могло бы ускорить становление подобного строя и в странах Запада. (Как и в том случае, если бы не были подавлены соответствующие реформы в Восточной Европе!) Полномасштабный и успешный пример всегда имеет огромное влияние на людей, прежде всего в преодолении консервативной психологической инерции. Когда я, несколько лет назад выступая перед работниками одного питерского завода, высказал эту мысль, один из слушателей вдруг произнес: “Вот и национальная идея, вот и миссия России!”

Несколько слов по поводу обнищания третьего мира. Синтезный социализм, утвердись он в развитых странах, ликвидировал бы агрессивную конкуренцию и устранил ее следствие — экономический империализм, способствующий обнищанию отсталых стран и их прогрессирующему отставанию. И сам синтезный социализм стал бы распространяться в третьем мире, облагораживая его, обогащая и создавая условия для регулирования рождаемости. Многие люди в странах этого мира тоже мечтают о более свободном и справедливом строе, о выходе из тупикового положения. Вспомним, как активно распространялся государственный социализм в третьем мире (после Октября 17-го), включая Среднюю Азию, когда он еще не был скомпрометирован злодеяниями сталинизма и расизмом. Уже сейчас ряд стран третьего мира обращаются к федерации Мондрагон с просьбой о помощи в создании у них кооперативных предприятий такого же типа. И получают такую помощь. В частности мне известно о строительстве с помощью специалистов Мондрагона кооперативных заводов в Тунисе и Мексике. Сейчас это строительство может быть уже закончено.

В книге “Свобода, власть и собственность” (Германия, 1977) я высказал предположение, которого придерживаюсь и до сих пор, что мыслимо такое положение, что нигде в природе, в космосе, существа, осознающие свою смертность, не успевают или оказываются не в состоянии создать условия, при которых бы они переставали быть рабами страха смерти и его бесов, но

успевают создавать средства всеобщего уничтожения и пускают их в ход. То есть, что существа, обладающие сознанием, везде обречены на гибель от собственной силы: способности познавать как тайны природы, так и свою смертность. Что вполне в духе диалектики! Не случайно, может быть, мы до сих пор не можем обнаружить сигналов из космоса от более развитых, чем мы существ, которые там обязательно должны были бы существовать, имея в виду бесконечность космоса и бесконечную возможность развития “мыслящей материи”.

И если везде мыслящие существа обречены на каком-то этапе развития срываться на самоуничтожение, то в этом случае сознание надо считать *перехлестом*, излишеством природы, а наши ожидания синтезного социализма и постклассовой эпохи — утопией.

Если тяжело носить шапку Мономаха, то еще тяжелее носить, то, что под нею — в коробочке!

Моя гипотеза о возможной печальной судьбе всех обладающих сознанием существ поначалу не получила никакого отклика, но однажды я прочел, как в одной из своих статей Роберт Конквест сказал (слова его я взял эпиграфом к этой главе), что, да, разум человека возможно является *перехлестом* природы. И употребил именно слово “перехлест”. Значит эта гипотеза не одному мне пришла в голову, что говорит о ее серьезности!

Но тем не менее познать всеобщую судьбу сознательных существ (я извиняюсь, что цитирую собственную книгу 1977 года) нам, слава Богу, не дано. Поэтому стоит исходить из лучшего предположения. Хватает же у отдельного нормального человека разума и силы, чтобы обуздать свое подсознательное желание броситься в пропасть. Может быть хватит и у человечества...

Во всяком случае “жертвой стать всегда успеешь!”